

Публикации аспирантов

УДК: 821.161.1

Ермошин Ф.А.

РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: (К ПРОБЛЕМЕ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ»
ОТНОШЕНИЙ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ)*

Аннотация: Работа посвящена проблеме отношений автора и читателя в «полифоническом романе» Достоевского (по терминологии М.М. Бахтина). Анализируется поэтика включения в текст различных, иногда противоборствующих идеологий, характерная для Достоевского. Этот творческий метод рассматривается как осознанная стратегия, нацеленная на привлечение различных в идеологическом плане читательских аудиторий.

Ключевые слова: Бахтин, Достоевский, автор, читатель, новая экономическая критика, полифония, диалогизм, рецептивная эстетика, рецепция, аксеология, реципиент.

Практически в каждой из заметных современных полемик по проблемам изучения творчества Ф.М. Достоевского неизбежна ссылка на классическую работу М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (1929; 1963) [Бахтин М.М.1979], где в литературоведческий обиход были введены такие термины, как «полифония» и «диалогизм». Под «полифонией» понимается представленная в романах Достоевского «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» героев [Бахтин М.М.1979: 6]. По мнению Бахтина, это такой принцип построения текста, при котором авторский «голос» является лишь одним из голосов, существующих наравне с другими голосами персонажей, в отличие от традиционного для XIX века «монологического романа», где герои в творческом замысле художника лишь «объекты авторского слова» [Бахтин М.М.1979: 7].

По мнению одного из исследователей, «диалогизм» в широком смысле – «постоянная оглядка на чужое слово и постоянный учет его смысла» [Евлампиев И.И.]. В совре-

менном литературоведении разработка принципов «диалогизма» с точки зрения рецептивной эстетики получила развитие в трудах Х.Р. Яусса и В.Изера [Яусс Х.Р.; Изер В.]. Смысл произведения осознается в данном случае как результат взаимодействия опыта читателя (реципиента) и автора.

Концепции «полифонии» и «диалогизма» как коренных черт поэтики Достоевского породили многочисленные научные споры. Сущность одного из них состоит в том, какова же роль автора (и «авторской воли»), с одной стороны, и читателя (реципиента), с другой, в «многоголосом» тексте? Если до конца следовать концепции Бахтина, в романах Достоевского автор, предоставляя героям своего рода свободную площадку для высказываний и действий, сам должен как бы «самоустраниться».

В связи с этим некоторые исследователи ставят под сомнение саму «целостность» произведений Достоевского. Наиболее радикальное прочтение романа «Идиот» (1868) в этом ключе предложил Гэри Сол Морсон [Морсон Г.С. 2001]: «Необычная тревожность этого романа отражает тот факт, что неуверенность здесь не придуманная, но настоящая: автор в той же степени не уверен, что случится с его героями, как и они сами, и читатель чувствует, что позиции, где знание превышало бы его собственное, попросту нет» [Морсон Г.С. 2001: 17].

В настоящей статье мы хотели бы предложить ещё один взгляд на «полифонический роман» сквозь призму «отношений» автора и читателя в нем. Письма Достоевского свидетельствуют, что читатель в творческом сознании писателя был своего рода «экономической» категорией. О теоретических предпосылках такого подхода см. [New Economic Criticism 1999; Гронас М. 2002]. На протяжении значительной части своей твор-

* © Ермошин Ф.А.

ческой биографии Достоевский напрямую соотносил «успешность» романа с финансовым успехом того или иного текста. Рецепция, т.е. читательское восприятие, не могло не волновать писателя. Этому способствовали и условия литературной ситуации, когда литературный гонорар в России впервые стал формой взаимосвязи писателей и публики [См. соотв. главу в кн.: Рейтблат А. 1991].

В целом, ориентировка на читательский «спрос» была характерна для творческого сознания многих литераторов эпохи 50-70-х гг. XIX в. – эпохи нарождающегося капитализма в России. В это время появился тип художника, живущего исключительно творческим трудом, для которого желание «предвосхитить», предугадать восприятие текста-продукта «публикой» стало естественным. Характерно в этом смысле высказывание Н.С. Лескова: «...Но ведь я *работник* и поставлю то, что спрашивается и за что мне платят» [Цит. по: Зыкова Г.В. 2005: 47].

Литература в России в этот период впервые оформилась как «профессия». По замечанию В. Живова, «появление профессионального статуса литератора [в России. – Ф.Е.] датируется 1820-ми годами... позднее, в середине XIX в., на этой основе образуются корпоративные институты писателей и литературная деятельность становится профессией в полном объеме этого понятия» [Живов В.М. 1997: 24]. Таким образом, «экономическое» мышление, когда центром бытования текста, своего рода литературным «рынком», постепенно стал журнал, стремительно распространилось в писательских кругах. Вс. Соловьёв в «Русском мире» за 1876 год констатировал: «Большинство наших литературных представителей из русских писателей превратилось в писателей известных журналов. Журналы стянули к себе все силы. Вне журналов писательская деятельность представляется невозможной» [Цит. по: Волгин И. 1982: 24].

Понимание текста как «диалога» или даже «торга» с читателем чрезвычайно характерно и для Достоевского: эмпирический автор зачастую «вкладывает в уста» своим рассказчикам реплики, выдающие заинтересованность читательской реакцией. Об этом пишет, например, В. Шмид [Шмид В. 2003] с опорой на Бахтина: «Нет другого такого автора в русской литературе, у которого нарратор [т.е. фиктивный читатель. – Ф.Е.] играл бы столь активную роль, как Достоевский. В “Записках из подполья”, в “Подростке” и в “Кроткой” нарратор [повествователь. – Ф.Е.] каждое слово высказывает с “оглядкой на

чужое слово”, т.е. с установкой на активного нарратора. Нарратор, ищущий признания со стороны своего слушателя или читателя, оставляет в тексте различные признаки апелляции... и ориентировки: он желает произвести на читателя или слушателя положительное или отрицательное впечатление... учитывает его реакции... предугадывает критические реплики... предвосхищает их» [Шмид В. 2003: 101-102].

В романе Достоевского «Подросток» (1875) тоже явлен тип рассказчика-героя, который постоянно «помнит» о читателе. «Тем только себя извиняю, что не для того пишу, для чего все пишут, то есть не для похвал читателя. <...> Я – не литератор, литератором быть не хочу и тащить внутренность души моей и красивое описание чувств на их литературный рынок почёл бы неприличием и подлостью» [Цит. по: Шмид В. 2003: 103]. Идею «финансовой выгоды» он отвергает как презренную, но не свободен от дихотомии: «выгодное» – «бескорыстное» при создании текста.

Известно, что Достоевский в идеологическом смысле был достаточно подвижен, менял убеждения: не только перешёл от радикально-фурьеристской идеологии в начале своего творческого пути к «почвенничеству» в конце, но и на протяжении всей жизни примыкал к журналам различных позиций и работал для них. Например, читатель «Русского вестника» времен, когда Достоевский активно в нем печатался, – это, в первую очередь, консерватор, приверженец «правых» взглядов. То же относится и к «Гражданину» князя В.П. Мещерского (год редакторства Достоевского: 1873) – с его ещё более усиленной «охранительностью», консервативным комплексом воззрений. Мещерского как противника любых реформ называли «князем-точкой». (Подробнее об идеологии «правых» в эту эпоху см. [Макеев М.С. 1999, гл. 10, 11, 12]).

Однако после освобождения от редакторской работы следующий роман Достоевского, «Подросток», был напечатан в радикальных «Отечественных записках» – резкая перемена. Здесь судьбу публикации определил исключительно экономический фактор: Н.А. Некрасов заплатил Достоевскому больше, чем М.Н. Катков. Но идеологически подобный ход кажется очень неожиданным, ведь, по воспоминаниям жены писателя, А.Г. Достоевской, «“Отечественные записки” были журналом противоположного лагеря и ещё так недавно... вели с ним [Достоевским.

– Ф.Е.] ожесточенную борьбу» [Достоевская А.Г. 1987: 288].

Как разрешить это противоречие творческого пути Достоевского? На наш взгляд, творческий метод «полифонического романа», разработанный писателем, намеренно апеллирует к самым различным идеологическим группам читателей в пределах одного текста. Автор осознанно задает в таком тексте целый спектр позиций, и оказывается в какой-то мере свободным от «монологической» позиции издания, в котором этот текст публикуется – тем самым достигая большего «идеологического охвата» аудитории.

На наш взгляд, в немалой степени, этот художественный метод был сформирован в результате интенсивной работы Достоевского в различных журналах.

Журнальная практика печатания романов, как правило, состояла в том, что текст публиковался небольшими порциями, частями. В связи с этим использовались различные средства удержания читательского внимания. В том числе, отсюда в романах Достоевского элементы «сериальности», на которые указывают некоторые исследователи [Тодд У.М. III 2002: 39; Moser С.А. 1982: 31].

«Многоголосая» структура произведений Достоевского, на наш взгляд, тесно связана с формой журнальной публикации и присущим ей набором приемов, специфичных для поэтики журнала рассматриваемой эпохи. Среди них можно назвать скрытую провокацию, сталкивание идеологий в пределах печатного целого для имитации «спора», использование специальных риторических фигур, когда автор словно бросает читателю «вызов» и т.п.

Излюбленный принцип Достоевского, «pro et contra», – сталкивания идеологий – это во многом принцип журнальной полемики. Фельетонная авторская «маска» в журнале точно так же может не совпадать с «мнением автора», как и одна статья – с векторной идеологией всего журнального номера. Журналам 1850-1870-х гг. зачастую присуща «непоследовательность» позиции в риторических целях. По замечанию Г.В. Зыковой, «несмотря на требование идейного единства, само существование в журнале различных рубрик предполагало в качестве важного конструктивного принципа сосуществование различных стилей и точек зрения. Единство номера может быть обеспечено лейтмотивными темами, а не только единством позиции всех авторов» [Зыкова Г.В. 2005: 108].

Для Достоевского публикация отде-

льной части художественного текста, в пределах которой происходит развертывание одной идеологии, а в следующей она же может быть опровергнута или сильно потеснена другой – становилась таким же «журнальным» приемом, и одновременно смелым художественным поступком. Часть романа, опубликованного в отдельном выпуске, предстает, в терминах Бахтина, своеобразным «речевым жанром» [Бахтин М.М., Проблема речевых жанров 1979], таким же, как и любое другое высказывание на страницах журнала, как и любая другая «статья».

В целом, данная стратегия была успешной – начиная с середины 70-х гг. Достоевский бесспорно стал одним из ведущих писателей, а планка его литературных гонораров значительно поднялась [см. Тодд У.М. III 2002: 37, 39]. В то же время в случае Достоевского мнимая «непоследовательность» позиции автора не раз становилась причиной «коммуникативных провалов» между автором и аудиторией.

Это случилось, например, в процессе журнальной жизни «Записок из Подполья» (1864), когда проблемы с цензурой были вызваны трудностями рецепции авторской стратегии «утверждения через отрицание». Непонимание, «на чьей стороне автор», ставило в тупик многих современных писателю критиков. Как пишут исследователи, «новая художественная структура “Записок из подполья” была столь необычна, что даже искушенные в вопросах литературы современники не сразу поняли её суть и пытались отождествлять идеологию “подпольного” человека с мировосприятием автора. <...> Творческие трудности усугублялись ещё и цензурными искажениями текста, разрушавшими внутреннюю логику повествования. Так, получив первый двойной номер “Эпохи”, где было напечатано “Подполье”, и обнаружив там... вмешательство цензора, Достоевский писал 26 марта 1864 г. брату: “<...> Свиньи цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал *для виду*, – то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа, – то запрещено...” [Архипова А.В.; Буданова Н.Ф.; Кийко В.А. 1989: 764-765].

Подобные же затруднения в восприятии читательской аудитории возникали и по поводу последнего романа писателя, «Братьев Карамазовых» (1880), хотя и в меньшей мере. Исследователь У. Тодд по поводу части романа «Pro et contra» пишет, что «из спора с Любимовым и Катковым, а также с могущественным Победоносцевым Достоевский

вышел победителем, одолев редакцию и цензуру, и ему оставалось беспокоиться лишь о том, не будет ли дерзкая “Легенда о Великом Инквизиторе” истолкована читателями — в общем контексте романа либо сама по себе — как сокрушительное опровержение убеждений самого писателя» [Тодд У.М. III, 2002, 39].

Как видим, писатель, печатающийся в журнале и рассчитывающий на успех, вынужден принимать во внимание мнение подписчиков, представлять себе возможную целевую аудиторию, в тех условиях, когда ему приходится жить исключительно литературным трудом. Перед автором встает необходимость моделирования читательской рецепции, учета как можно большего количества читательских реакций и мнений одновременно, в пределах одного текста. Полагаем, что в том числе этой цели следовал Достоевский, создавая уникальную поэтику «полифонического романа».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Архипова А.В.; Буданова Н.Ф.; Кийко В.А. Примечания // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 тт. Л., 1989. — Т. 4. — С. 723-782.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: «Искусство», 1979. С. 237-245.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1979. — 320 с.
- Волгин И. Достоевский-журналист («Дневник писателя и русская общественность»). — М., 1982.
- Гронас М. Вступительная заметка [о «новой экономической критике» как направлении в гуманитарной науке] // Новое Литературное Обозрение. — № 58. — 2002. — С. 7-14. [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/gron.html>
- Достоевская А.Г. Воспоминания / Вступ. Статья, подгот. текста и примеч. С.В. Белова и В.А. Туниманова. — М., 1987.
- Евлампиев И. И. Диалогизм или полифония? (Одно из противоречий подхода Бахтина к творчеству Достоевского) // [Электронный ресурс]: http://anthropology.rchgi.spb.ru/dostoev/dostoevsk_i1.htm
- Ермошин Ф.А. К проблеме «экономических» предпосылок «полифонического романа» Ф.М. Достоевского / Дипломная работа, каф. истории русс. лит. Филологический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2006. — 77 с. [Электронный ресурс]: http://fedor-ermoshin.narod.ru/lit_ved.html
- Живов В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков. // Новое Литературное Обозрение. — №25. — 1997. — С. 24-83.
- Зыкова Г.В. Поэтика русского журнала 1830-х — 1870 гг. — М., 2005.
- Корман Б.О. Проблема автора в художественной прозе Ф.М. Достоевского // Славия, 1980. — Т. 16, 4. — С. 394-396.
- Макеев М.С. Спор о человеке в русской литературе 60-70 гг. XIX века. Литературный персонаж как познавательная модель человека. — М., 1999.
- Михновец Н. Механизм смыслопорождения в «Кроткой»: К проблеме «автор — читатель» // Достоевский и мировая культура. — СПб., 1999. — Т. 13. — С. 67-79.
- Морсон Г.С. «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и темпика // Роман «Идиот»: современное состояние изучения. / Под ред. Т. Касаткиной. — М., 2001. — С. 7-27.
- Назирова Р.Г. Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (в концепции полифонического романа) // Проблемы научного наследия М.М. Бахтина. — Саранск, 1985. — С. 24-41.
- Иванчикова Е.А. Функции автора и рассказчика в повествовательной структуре «Братьев Карамазовых» // Достоевский и современность. — Новгород, 1992. — Ч. 2. — С. 63-68.
- Исупов К.Г. Автор и читатель в текстах Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Т. 16. — СПб., 2001. — С. 3-22.
- Изер В. Рецептивная эстетика. Герменевтика и переводимость // Академические тетради. — Вып. 6. — М., 1999.
- Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту. — М., 1991.
- Тодд, Уильям М. III. «Достоевский как профессиональный писатель: профессия, занятие, критика» / Пер. с англ. Е. Иванищевой и С. Силаковой. // «Новое литературное обозрение», №58, 2002. С. 15-43. [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/uil.html>
- Шмид В. Нарратология. — М., 2003.
- Яусс Х.Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. №12, 1994. [Электронный ресурс]: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1228
- New Economic Criticism. Studies at the Intersection of Literature and Economics. / Ed. Martha Woodmansee, Mark Osteen. — N.Y.; London: Routledge, 1999. — 435 p.
- Moser Charles A. Dostoevsky and the aesthetics of journalism // Dostoevsky studies. Vol.3, 1982. P. 28-41. [Электронный ресурс]: <http://www.utoronto.ca/tsq/DS/03/026.shtml>

F. Ermoshin

RECEPTIVE ASPECTS OF DOSTOEVSKY'S POETICS (PROBLEM OF "ECONOMIC" RELATIONSHIP BETWEEN AUTHOR AND READER)

Abstract: The article is devoted to a problem of relationship between Author and Reader in F. Dostoevsky's "polyphonic novel" (a term used by Mikhail Bakhtin). The poetics of incorporating antagonistic ideologies in the literary text, which is rather distinctive about Dostoevsky's narrative art, analyzed as a strategy of responding to different readers' attitudes.

Key words: polyphony, new economic criticism, Bakhtin, Dostoevsky, author, narrator, reader, receptive aesthetics, reception, axiology.